

К истории ботанических исследований Российской Духовной миссии в Пекине в первой половине XIX в.

Т.Ю. ФЕКЛОВА

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
РАН, Санкт-Петербург, Россия; tat-feklova@yandex.ru

Исследования Китая в XIX в. тесно связаны с деятельностью Российской Духовной миссии. Миссия, работавшая в сложных социополитических условиях Китая, совмещала миссионерские и дипломатические функции и, кроме того, собирала сведения о природе и населении Китая. На основе обширного архивного материала, часть из которого впервые вводится в научный оборот, показаны роль и значение Российской Духовной миссии в Пекине в проведении ботанических исследований на территории Китая, а также освещены проблемы, с которыми сталкивались сотрудники миссии при формировании коллекций. Статья анализирует взаимоотношения миссии с китайскими властями и местными жителями, описывает способы сбора и транспортировки живых растений и гербарных коллекций. Очень часто, из-за изоляции Китая, учёным приходилось скрывать свои исследования, чтобы не быть обвинёнными в шпионаже. В приложении даны списки растений, отправленных сотрудниками миссии в Санкт-Петербург в 1841 г.

Ключевые слова: Императорская Академия наук, Российская Духовная миссия, Китай, ботанические сады, Санкт-Петербург, экспедиции.

В 2013 г. исполнилось 300 лет со дня основания Ботанического сада РАН в Санкт-Петербурге. Такой же юбилей отпраздновала и Российская Духовная миссия в Пекине в Китае (по другим данным, дата основания — 1712 г.). Казалось бы, эти две организации бесконечно далеки друг от друга, но желание научного познания Китая объединило их в первой половине XIX в.

История Духовной миссии в XVIII–XIX веках привлекала многих исследователей, но в основном как феномен существования церковной общины далеко за пределами Российской империи, в государстве, где настроенное (если не враждебное) отношение к европейцам было хорошо известно. Историки уделяли внимание дипломатическим и политико-экономическим функциям миссии. Цель данной работы — осветить ещё один важный аспект деятельности миссии в первой половине XIX в., а именно сбор сведений о природе, населении и истории Китая для Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и некоторых других российских учёных. Эта «научная» составляющая поможет создать целостную картину такого уникального явления, как Российская Духовная миссия в Пекине.

Первоначально история Пекинской миссии освещалась самими работниками миссии, как, например, в работах иеромонаха Николая (П.С. Адоратского)¹ и митрополита Иннокентия (И.А. Фигуровского)². Большое значение для изучения

¹ *Фигуровский И.А.* Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин: Типография Успенского монастыря, 1916. 230 с.

² *Адоратский П.С.* Отец Иакинф Бичурин (исторический этюд) // Православный собеседник. 1886. С. 40–48.

истории миссии середины XIX в. имеют дневниковые записи архимандрита Палладия (П.И. Кафарова) (1912), в которых он подробно описывает вторую опиумную войну и роль Российской Духовной миссии при заключении Тяньцзиньского мирного договора 1858 г.³

Истории миссии, её руководителей и истории экспедиций в Китай в XIX в. посвящён ряд трудов, среди которых особо стоит отметить работы Е.И. Скачкова и В.С. Мясникова (1958), М.Г. Козыревой (1999), С.Г. Андреевой (2001), М. Зейнуллиной (2003), Д.В. Дубровской (2004). Однако научный аспект деятельности миссии представлен, почти исключительно, через её переводческую работу и работу по составлению русско-китайских словарей. Взаимодействие миссии с Императорской Академией наук практически не нашло отражения в научной литературе.

История миссии привлекала и зарубежных исследователей. Однако зачастую деятельность миссии представляется в этих работах через призму «Большой игры»: как плацдарм для обучения российских шпионов и подготовки экспансии к овладению Китайской империей. Среди работ иностранных специалистов следует назвать труды К.С. Латуретта (Latourette, 1929) и А. Парри (Parry, 1940). Китайские специалисты достаточно часто обращались к теме истории Российской Духовной миссии в Пекине. Среди современных китайских исследователей прежде всего стоит назвать Чэнь Кайкэ (Chen Kaike, 2008), Сяо Ютсин (Xiao Yuqin, 2009). Но научная деятельность миссии в них упоминается поверхностно.

Основная масса источников по истории Российской Духовной миссии в Пекине находится в собрании Российского государственного исторического архива (РГИА), фонд Правительствующего Синода (Ф. 796), в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Часть архива Пекинской Духовной миссии была скопирована при последнем начальнике миссии митрополите Викторе (Л.В. Святин, 1893–1966) и впоследствии передана в рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РНБ). В данном собрании представлены как делопроизводственная переписка руководителей миссии с начальником Азиатского департамента Министерства иностранных дел (МИД), которому непосредственно подчинялась миссия, так и её внутренние документы (списки книг, планы и т.д.). Эти документы достаточно полно отражают всё разнообразие деятельности миссии, включая её дипломатическое представительство и выполнение ею политических и торговых заданий от разных учреждений в России. Это собрание тем более ценно, что во время культурной революции в Китае большая часть архива Российской Духовной миссии в Пекине была уничтожена. Кроме того, материалы, хранящиеся в Первом историческом архиве Пекина и Муниципальном архиве Пекина, недоступны для исследователей.

На протяжении долгого времени русская православная церковь (РПЦ) была одним из «государствообразующих» институтов Российской империи. Реформы Петра I затронули и церковь. Желание императора поставить все учреждения на службу государству привели к тому, что церковь была встроена в систему государственных организаций Российской империи с упразднением независимого патриаршества и образованием подконтрольного правительству Святейшего Синода.

Сложность дипломатических отношений иногда заставляла церковь быть не только проводником духовных ценностей, но и выполнять светские функции. В Китае, с которым у России не были установлены дипломатические отношения, имелось

³ *Кафаров П.И.* Дневник архимандрита Палладия. СПб.: Тип. В.Ф. Киришаума, 1912. 55 с.

многочисленное русскоязычное православное население. Это служило достаточным основанием для местных властей разрешить русской православной церкви иметь представительство в столице. Благодаря такой веротерпимости со стороны китайских властей Духовная миссия в Пекине, существовавшая с 1713 по 1955 г., сыграла важнейшую роль в становлении российско-китайских отношений, а кроме этого, стала центром сбора научных сведений о Китае и школой подготовки первых русских синологов.

Формирование Российской Духовной миссии в Пекине связано с российско-китайскими приграничными конфликтами вдоль реки Амур. Во время одного из них, в 1685 г., в районе крепости Албазин 45 казаков были захвачены в плен и перевезены в Пекин (Тань, 2015, с. 181–182). Для отправления ими религиозных обрядов китайский император передал албазинцам буддийскую кумирню, перестроенную в православный храм, и разрешил пригласить священников. Это и положило начало многолетнему присутствию РПЦ в Китае. Состав Духовной миссии менялся один раз в десять лет. В её состав, как правило, входили 10–12 человек, в том числе и студенты-ученики (четыре-шесть человек) для изучения восточных языков, которых правительство включало в состав миссии с 1727 по 1864 г.

Правовая основа существования православной миссии в Китае (её месторасположение, статус, состав, содержание) была зафиксирована в Кяхтинском (1727) и Айгунском (1858) российско-китайских договорах и Пекинской конвенции (1860). Основные сроки пребывания в Пекине, материальное обеспечение, способы связи с Россией, предметы занятий её членов лучше определялись инструкциями, составленными Министерством иностранных дел и Синодом Российской империи. Миссия подчинялась не Правительствующему Синоду, а Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел, что обеспечивало миссии большую свободу, лучшее финансирование и возможность совмещать церковные и научные задачи. По поручению Азиатского департамента миссия собирала самые различные сведения: изучала кустарное и заводское производство в Китае (в том числе, к примеру, о способах обработки шёлка или окраски тканей), о событиях в стране: неурожаях и вызываемым ими голоде, бунтах и эпидемиях, о способах ведения сельского хозяйства в Китае, о разведении огородов. Члены миссии приобретали и пересылали в Санкт-Петербург различные предметы интересные для правительственных экспертов, учёных, музеев и библиотек: книги и редкие рукописи, географические планы и карты (в некоторых случаях сами составляли планы городов) семена и луковицы лекарственных и декоративных растений, и описания разведения их для культивирования⁴.

Как было сказано, основная функция миссии заключалась в том, чтобы способствовать сохранению православия в среде албазинцев — потомков русских казаков, захваченных китайцами в 1685 г., после взятия ими крепости Албазин. В связи с постоянным проживанием в Китае и женитьбой на китайках, албазинцы к началу XIX века полностью интегрировались в китайскую среду, так что китайский язык стал для них основным, а русский они изучали в школе при миссии. Российская миссия использовала албазинцев для выполнения поручений, невозможных для иностранцев, в частности приобретение предметов, запрещённых для вывоза из Китая. Так, например, для сохранения монополии на производство чая, китайцы ошпаривали семена чая кипятком перед продажей, что делало невозможным их прорастание и, соответственно,

⁴ Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ. ОР). Ф. 1457. Оп. 1. Д. 105. Л. 3–3 об.

выращивание чая в других странах. Благодаря закупкам через албазинцев на территории миссии удалось вырастить несколько кустов чая⁵.

Кроме того, миссия занималась просветительской деятельностью в самом Пекине. В инструкции в 1849 г. канцлер К.В. Нессельроде предписывал начальнику 12-й миссии архимандриту Поликарпу выбирать из среды албазинцев благонадёжных молодых людей, предпочтительно сирот, для воспитания их при миссии. Сирот выбирали в связи с тем, что при отсутствии родителей, последние не могли позднее влиять на выбор рода занятий ребёнка, нарушив тем самым все планы миссии и не оправдав расходы на его многолетнее обучение (Дацышен, Чегодаев, 2013). Надо заметить, впрочем, что это было обычной практикой для учебных заведений по выбору казённокоштных воспитанников, существовавших на средства казны: писарских, егерских, сельскохозяйственных и прочих училищ.

Помимо непосредственно Азиатского департамента Министерства иностранных дел, миссия также могла выполнять специальные поручения от различных учреждений в России, заинтересованных в пополнении своих коллекций. Именно поэтому все коллекционные образцы, по возможности, следовало приобретать в двойном размере: один комплект — для сохранения в самой миссии (например, в её библиотеке); второй — для вывоза в Россию⁶. Миссия плодотворно сотрудничала с Императорской Академией наук, Пулковской обсерваторией, Императорским Ботаническим садом и другими учреждениями Российской империи. Сотрудничество с учёным сословием начиналось с получения инструкций. До нас дошли инструкции, полученные от членов Императорской Академии наук, Императорского Минералогического общества в Москве, Ботанического сада и Ботанического Музея в Санкт-Петербурге. Именно последние учреждения получали наиболее интересные материалы из Китая. В настоящее время в Ботаническом саду Пекина можно встретить множество растений, на поясняющих табличках к которым стоят так хорошо знакомые любому ботанику фамилии Бунге А.А. и Базилевского С.И. Интерес к тому, как фамилии русских учёных попали в название китайских растений, и явился отправной точкой к написанию статьи, в которой нашла отражение история сбора и пересылки ботанического материала из Пекина в Санкт-Петербург.

Кратко напомним историю Ботанического сада: созданный в 1713 г. как Аптекарский огород и служивший для обучения студентов-медиков ботанике, а также для снабжения Санкт-Петербургских военных и флотских госпиталей лекарственными растениями, в 1823 г. он был преобразован в Императорский Ботанический сад. Его директором был назначен член-корреспондент Императорской Академии наук Ф.Б. Фишер (1782–1854), который руководил им до 1850 г. Фишер, как директор сада использовал любую возможность для увеличения его коллекций, для чего активно сотрудничал с учёными путешественниками (Соколов, Фёдоров, 1947, с. 7). К 1830 г. Ботанический сад был выведен из-под юрисдикции Медицинского департамента и передан в подчинение Министерства императорского двора, что положительно сказалось на его финансировании. Были построены новые и отремонтированы старые оранжереи, создан научный гербарий, а также расширен штат: к примеру, в 1843 г. были введены должности физиолога растений и консерватора. Основателем другого

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 448. Д. 15. Л. 10. Полноценная интродукция чая на побережье Чёрного моря — началась в конце XIX века.

⁶ РНБ. ОР. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 31. Л. 13.

важного ботанического учреждения имперской столицы — Ботанического музея Академии наук можно считать К.Б. Триниуса (1778–1844), который в 1823 г. вывел ботанические коллекции Кунсткамеры в отдельное помещение и активно принялся за их научную обработку. Формальное оформление Ботанического музея в самостоятельное учреждение произошло в 1835 г. (Липшиц, Васильченко, 1968). Благодаря действиям директора Ботанического сада Ф.Б. Фишера в собраниях как Ботанического сада, так и Ботанического музея, стали активно поступать коллекции от самых разных экспедиций и путешественников (Петросян, Иванова, 2003, с. 212). Экспедиционная деятельность стала одним из главных способов накопления музейного материала (Юсупова, 2012).

Сотрудничество с другими учреждениями (Соколов, Фёдоров, 1947), в том числе и Российской духовной миссией в Пекине позволяло получать ботанические коллекции, не затрачивая усилия и средства на организацию дорогостоящих экспедиций. Получение материалов из Китая другими путями было затруднено, так как Китай придерживался политики самоизоляции, и отправление экспедиций во внутренние районы Китая было невозможным. С трудностями, связанными с исследованиями на закрытой территории другой страны сталкивались и другие учёные, в частности американский ботаник Ч. Райт (Charles Wright, 1811–1885), который занимался ботаническими сборами в Японии (Hung, 2016). В связи с изоляцией и закрытостью, чтобы хоть как-то заполнить информационный вакуум по Китаю, Академия наук и другие учёные учреждения, равно как и Азиатский департамент Министерства иностранных дел, составляли специальные инструкции для миссии, в которых объяснялись правила сбора сведений экономического и политического характера, правила комплектования ботанических, зоологических и этнографических коллекций. Пользуясь этими инструкциями, студенты и рядовые члены миссии довольно успешно собирали необходимые для российского правительства сведения, а также зоологические, ботанические и других научные коллекции.

Трудности, связанные с невозможностью отправить совместно с миссией учёных, объясняют тот факт, что сбором коллекций приходилось заниматься непосредственно членам миссии и её студентам. Академия наук организовывала для отъезжающих своего рода краткосрочные курсы перед отправлением в Китай. Эти курсы были необходимы, к примеру, для обучения студентов основам сбора, консервации и хранения растений и животных. На организацию и проведение таких курсов давал своё разрешение Азиатский департамент Министерства иностранных дел, так как именно к нему были прикомандированы студенты. Судя по всему, в процессе подготовки студенты знакомились с коллекциями растений и животных, уже находящимися в собраниях музеев Академии наук. Кроме собственно инструкции, разработанной учёными Академии наук, они получали и специальный список тех представителей китайской флоры и фауны, которых желательно было привезти в музеи Академии наук⁷.

Веротерпимость китайских властей не простиралась слишком далеко: на членов, студентов и воспитанников миссии был наложен запрет покидать территорию миссии без особого разрешения. Запрет приводил к тому, что её сотрудники, занимающиеся комплектованием ботанических коллекций, могли совершать лишь небольшие экскурсии по окрестностям Пекина. Недостаточное знание членами миссии китайского, а китайцами латинского и вообще европейских языков приводило

к курьезным описаниями многих собираемых объектов. Свою роль играла и не слишком глубокая естественнонаучная подготовка коллекторов. Названия, выясненные у китайцев, заносились в специальную тетрадь, и туда же записывалось описание растения — подчас крайне поверхностное. Так, например, в одной из таких тетрадей фигурирует название «бай-мэй-хуа — 白美花», что переводится просто как «белый красивый цветок». Именно под таким названием, с кратким, недостаточно точным описанием (другого миссия дать не имела возможности), растение направлялось в Санкт-Петербург.

На этом фоне существенным прогрессом в деле исследования китайской природы вообще и флоры в частности стала смена Духовной миссии 1829 г., к которой были прикомандированы учёные Академии наук. При формировании нового состава конференция Академии наук предложила министру народного просвещения К.А. Ливену (1767–1844) командировать в Китай двух учёных, которые занимались бы сбором ботанических, зоологических и этнографических коллекций. Проект экспедиции был одобрен императором.

Для проведения астрономических наблюдений в Китай был направлен астроном Е.Н. Фус (1806–1854) (Русский биографический словарь, 1896–1918), для естественноисторических исследований — А.А. Бунге (1803–1890), рекомендованный Академии наук Александром фон Гумбольдтом (1769–1859). Выпускник Дерптского университета А.А. Бунге имел степень доктора медицины и экспедиционный опыт (в 1825–26 гг. вместе с К.Ф. Ледебуром и К.А. Мейером он путешествовал по Алтаю). Для участия в экспедиции Бунге был переведён на службу в Академию наук в качестве натуралиста (Сытин, 2004).

Для путешественников были составлены специальные инструкции. Инструкцию по физике писал Е.И. Паррот (1767–1852), по химии и минералогии — А.Я. Купфер (1799–1865), по востоковедению — Я.И. Шмидт (1779–1847) и по зоологии и ботанике — А.К. Мертенс (1796–1830). Согласно подготовленным инструкциям, исследователи должны были провести астрономические наблюдения для определения долготы и широты населённых пунктов на пути следования; барометрические измерения возвышенностей; магнитические и метеорологические наблюдения; зоологические и ботанические исследования⁸.

В связи с нехваткой собственных средств для финансирования путешествия Бунге и Фуса, Академия наук вынуждена была обратиться в государственное Казначейство. По личному приказу императора Николая I для покрытия расходов экспедиции из Государственного казначейства было ассигновано 13000 руб. Для того, чтобы инфляция не влияла на объёмы финансирования экспедиции, Министерство народного просвещения приняло решение, что вся сумма, предназначенная на оплату жалованья участникам экспедиции, должна быть переведена в серебряные слитки, что составило «1 пуд 31 фунт 47 золотников и 38 долей»⁹. Такое решение было продиктовано, прежде всего, тем, что серебряные слитки в начале XIX в. оставались реальным платёжным средством в Китае. Слитки переправили вместе с жалованьем для других членов миссии в Китай; на них были сделаны те же отметки, что и на серебре для миссии, то есть проставлены клейма РДМ — Русская Духовная миссия.

⁸ Санкт-Петербургский Филиал архива Российской Академии наук (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1–1819. Д. 1. Л. 74.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 12. Л. 50.

⁷ РНБ. ОР. Ф. 1457. Д. 83. Донесения в Азиатский департамент. 1839. Л. 16.

Академия наук из собственной экономической суммы, формировавшейся за счет продаж календарей и книг, а также за счёт процентов по банковским вкладам, ассигновала 6000 рублей на приобретение необходимого для экспедиции снаряжения и инструментов.

Следует отметить, что перед самым отправлением экспедиции министр народного просвещения обратился к президенту Академии наук со специальным отношением, в котором разъяснял правила поведения учёных во время поездки и работы в Китае в составе Духовной миссии, так как Китай был закрытой страной, и пребывание на его территории было разрешено только членам Духовной миссии. Во время экспедиции учёные должны были состоять:

в зависимости от пристава миссии под названием письмоводителей, а если имеют они высшие чины, то сего отнюдь не обнаруживали бы там, стараясь вообще уклоняться от случаев, могущих породить в китайцах сомнения и неблагоприятные для нас заключения¹⁰.

В 1830 г. исследователи прибыли в Ургу (современный Улан-Батор). Зимой 1831 г. учёные провели в Пекине, в расположении миссии, а с наступлением весны отправились в степи северной Монголии. Начало лета 1831 г. Бунге посвятил исследованию флоры в окрестностях Пекина. Работа А.А. Бунге и Е.Н. Фуса в Пекине закончилась в 1831 г. (Бретшнейдер, 1898). Собранный во время путешествия по Китаю флористический материал (а это более 420 видов) Бунге описал в книгах «Enumeratio plantarum, quas in China borealis collegit Dr. Al. Bunge, anno 1831» (1833) и «Plantarum Mongolico-Chinensium decas I» (1835). Работа А.А. Бунге, по сути, была первым опытом научного ботанического описания китайских растений. Именно Бунге впервые описал многие китайские виды, в частности вид Клён усечённый = *Acer truncatum* Bunge. Имя А.А. Бунге закреплено в названии ряда растений, произрастающих на Дальнем Востоке России и в Китае, например в названии сосны *Pinus bungeana* Zucc. ex Endl.

Существенный вклад в пополнение коллекций Императорского Ботанического сада внесла также 11-я миссия (1830–1840). Вернувшаяся из Пекина в 1840 г., она привезла с собой коллекцию растений, собранных по просьбе его директора Ф.Б. Фишера (см. прил. I).

Комплектованием ботанических коллекций занимался врач 11-й миссии П.Е. Кириллов (1801–1864¹¹). Помимо простого сбора коллекций, он стремился выявить возможности лекарственного применения того или иного растения и впоследствии применял полученные знания в своей врачебной практике. Совмещая западную и китайскую медицину, Кириллову удалось добиться значительных результатов при лечении китайцев¹². Так, например, сестра вдовствующей китайской императрицы в благодарность за лечение подарила ему экземпляр особо почитаемого в Китае растения — женьшеня (Благодер, 2009, с. 39). Именно этот экземпляр стал голотипом или типовым экземпляром для составления протолога (первого детального научного описания) женьшеня в России. Описание делал систематик К.А. Мейер (1795–1855), присвоив женьшеню название *Panax ginseng*. В качестве лектотипа в связи с утерей типового экземпляра был выбран один из рисунков из статьи К.А. Мейера (Ваганов, 1982).

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1839. Д. 12. Л. 37–37 об.

¹¹ РНБ ОР. Ф. 1457. Д. 83. Донесения в Азиатский департамент. Л. 8 об.

¹² Там же. Л. 9.

Кириллов также вел метеорологические наблюдения, составлял гербарии и обучал албазинского ученика аптекарскому делу¹³. В 1830 г. Кириллов, получив разрешение у пекинских властей, несколько раз выезжал за пределы Пекина для сбора растений. Кириллов привёз в Россию большую коллекцию собранных им растений, около 127 видов, а также семена огородных растений¹⁴ (см. прил. II).

По поручению Азиатского департамента Министерства иностранных дел, особое внимание миссия должна была уделять приобретению семян чайного куста, который российское правительство хотело бы культивировать в России. Попытки официальной закупки чайных семян ни к чему не приводили, так как китайцы не продавали семена чайных кустов за границу. Поэтому Российская Духовная миссия в Пекине, действуя через албазинцев, покупала чайные семена или ростки чая, а также ростки шелковицы разных сортов и шелколичных червей и в дальнейшем переправляла их в Россию. Ф.Б. Фишер написал специальную инструкцию для сотрудников миссии о безопасной перевозке семян из Пекина в Санкт-Петербург, для того чтобы во время долгого пути семена могли оставаться живыми. Эта инструкция касалась семян не только чайных кустов, но и всех остальных растений, направляемых в музей Академии наук. В инструкции указывалось, что для лучшей сохранности семян требовалось взять деревянный ящик и положить на его дно слой влажной глины, толщиной с палец, в которую вдавить семена, сверху положить такой же слой глины, и так до тех пор, пока ящик не наполнится¹⁵.

В своём письме приставу миссии Н.И. Любимову (1811–1875) Ф.Б. Фишер просил отметить, чтобы члены миссии при сборе растений не ограничивались одним или двумя экземплярами одного и того же вида, а старались собрать как можно больше. Наличие нескольких экземпляров позволяло точнее произвести систематическое определение вида. Латинские родовые и видовые названия давались студентами по возможности.

Перевозка коллекций и членов миссии производилась наёмными проводниками, с которыми Российская Духовная миссия заключала специальные контракты. В данных бумагах нашли своё отражение способы перевозки (на подводах и верблюдах), отдельно оговаривался выбор дороги и ответственность проводников за сохранность имущества и безопасность. Расчёт транспортных расходов производился в зависимости от количества лошадей и верблюдов, необходимых для перевозки грузов. Так, например, в 1830 г. стоимость перевозки 900 пудов имущества миссии от г. Кяхты до г. Цаган Балгасу (в переводе с монгольского «Белые стены», южная монгольская застава на границе с Китаем) составила двести девяносто четыре рубля тридцать девять копеек серебром или на ассигнации: 1030 рублей 36,5 копеек.

Расчёт этой суммы строился на основании следующего:

От Пекина до Калгана¹⁶ — 200 русских верст.

От Калгана же до Цаган-Балгасу (поселение в Монголии) — 60 верст.

Общее расстояние от Пекина до Цаган-Балгасу — 260 верст.

¹³ РНБ ОР. Ф. 1457. Оп. 1. Д. 228. Краткая история духовной миссии в Китае. С правкой еп. Иннокентия. 1916. Л. 58

¹⁴ Там же. Л. 56.

¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 15. О растениях, вывезенных и высланных из Китая Пекинской Духовной миссией в Россию. Л. 10.

¹⁶ Калган — русское название китайского города Чжанцзякоу в провинции Хэбэй.

Китайскому подрядчику за перевозку сотрудников миссии и доставку всех грузов от Пекина до Цаган-Балгасу русским правительством было заплачено (на основании заключённого контракта) 548 лан, 7 чин и 18 900 больших чохов, что в пересчёте на русские деньги составило 1210 руб. 84 3/58 коп. серебром¹⁷. Таким образом, пересылка коллекций из Китая в Россию даже на такое небольшое расстояние (260 верст из примерно 5676 верст) составляла существенный расход для миссии.

Миссия 1840 г. привезла в Императорский Ботанический сад уникальную коллекцию живых растений и многочисленный гербарий, собранный как в самом Пекине, так и за его пределами. Небольшая часть гербария была переданы миссией в Ботанический музей Академии наук.

Несмотря на закрытость Китая и невозможность исследования его природы и культуры страны, Российская Духовная миссия служила источником для получения Академией наук и другими учреждениями России достоверной научной информации, а также многочисленных коллекций. Работа Российской Духовной миссии проходила в сложных социополитических условиях, подчас во время военных конфликтов (например, в 1840 г. началась первая опиумная война, длившаяся до 1842 г.). Недоверие китайского правительства к иностранцам означало невозможность совершения полноценных экспедиций по территории Китая, заставляя сотрудников миссии и прикомандированных к ней учёных Академии наук ограничиваться территориями, прилегающими непосредственно к Пекину или обращаться к помощи местного населения и ассимилированных русских. Это приводило к ошибкам в ходе комплектования коллекций, что, однако, не умаляет заслуг исследователей, увеличивавших пределы познаваемого мира. Данное исследование позволяет расширить до сих пор недостаточно разработанную тему научного взаимодействия России с Китаем в первой половине XIX в. через сотрудничество Российской Духовной миссии и Академии наук и дополняет историю деятельности Российской Академии наук новыми фактами и историческими сюжетами.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 7 О перевозке пекинской миссии от Кяхты до Калгана и обратно. 1839–1840. Л. 25–25 об.

Приложение I¹⁸

Список китайских растений, вывозимых в Россию в 1841 г. (приводится с сохранением авторского стиля):

1. 7 кустов древесных пионов (по-китайски модань-хоа), из них: 2 светло-розовых пионов, 1 с зелеными, 1 с белыми, 1 с темно-фиолетовыми и 2 куста с пунцовыми пионами [*Paonia*, 牡丹 mùdān].
2. Юй-хань: особый вид магнолии [*Magnolia sp.* 玉兰花 yùlánhuā].
3. Гуй-хоа: из рода *Olea fragrans* Thunb., но особого вида. Китайцами весьма уважаемая [*Osmanthus fragrans* (Thunb.) Lour. Османтус душистый 木犀屬 mùxī lǎn shǔ].
4. Лань-хоа — одно из весьма дорогих растений, привозимых с юга; листья похожи на осоку, но цветы необыкновенно благоуханные [*Cymbidium goeringii* (Rchb. f.) Rchb. f. Цимбидиум зеленеющий 兰花 lánhuā, современное название 春兰 chūnlán].
5. Ли-мэй, небольшое деревце с палевыми цветочками, похожими несколько на жасмин. Китайцы уважают его за особенную пахучесть цветков [*Calycanthus chinensis* W.G. Cheng et C.Y. Chang. Каликант].
6. Фо-шоу: в буквальном переводе — «божья ручка»; название дано по сходству плода его с человеческой рукою; принадлежит к роду апельсинов [*Citrus medica* L. var. *sarcodactylis* Swingle, Цитрон мясистопальчатый 佛手 fǎshǒu].
7. Пинь-го: китайская яблоня, из рода карликов; с аршин ростом и с плодами, достигающими почти до естественной величины [*Malus pumila* Mill., яблоня, 苹果树 píngguǒshù].
8. Ши-цзы — известное китайское дерево с огромными плодами жёлто-красного цвета, которые в Китае в большом употреблении [*Diospyros kaki* Thunb., Хурма 柿树 shìshù].
9. Му-гуа-хай-тань — известное дерево, с небольшими, весьма душистыми плодами [*Carica papaya* L. Папайя 番木瓜 fānmùguā].
10. Два куста тьянь-ле (древесное растение с раскидистыми ветвями; цветы сиреневые — в виде виноградных больших кистей, — чрезвычайно роскошные и душистые. [*Dolichos sp.* Долихос. 镰扁豆属 lián biǎndòushǔ].
11. У-тунь — особое китайское растение, растущее целыми лесами на юге, у нас оно известно одними описаниями.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 15. О растениях, вывезенных и высланных из Китая, Пекинской Духовной миссией в Россию. 1841.

Данный список был составлен сотрудниками миссии в 1841 г., выполнявшими инструкции директора Ботанического сада Ф.Б. Фишера по комплектованию ботанических коллекций в Китае. В связи с неподготовленностью сотрудников миссии, занимавшихся комплектованием ботанических коллекций, в списке отсутствовало видовое описание растения. Сам список содержит стилистические и ботанические неточности. В списке в круглых скобках латинские названия, приведенные сотрудниками миссии. В ходе подготовки списка к публикации, автором была проделана работа по атрибуции растений, с выяснением, по возможности, их видовой принадлежности. В скобках даны, при отсутствии в тексте, названия на русском, латинское наименование и китайские иероглифы с пиньинем (транслитерацией иероглифов). Список приводится с сохранением авторской стилистики, грамматики и пунктуации.

12. Му-сянь: из рода вьющихся древесных растений с беленькими ароматическими цветками и густою зеленью.

13. Вынь-гуань-го — дерево с большими пахучими цветами; носит плоды похожи на зеленое яблоко, которых, однако, в пищу не употребляют.

14. Чжи-цзы-хуар — деревцо с большими белыми цветами, в виде шапки, которые издают очень приятный аромат.

15. Хун-мэй-хоа и бай-мэй-хоа — 2 деревца из рода карликов, из коих одно с небольшими красными махровыми цветками, а другое с такими же белыми. Цветы издают самый нежный и легкий аромат. У китайцев в большом уважении [*Prunus salicina* Lindl., Слива китайская 梅花 méihuā].

16. Ма-жунь-хоа (2 куста): особый вид акации, из рода самшитовых растений, с листьями, свертывающимися при наступлении ночи, цвета — висячие в виде шелковых кистей ярко-пунцового цвета, весьма красивые [*Albizia julibrissin* Durazz., Акация ленкоранская 洋槐 yánghuá].

17. Ду-цзюань: особый вид азалии, с красными цветами [Azalea sp., азалия, 杜鹃花 dùjuānhuā].

18. Э-лай-сянь (в словаре Маррисона: *Pergularia odoratissima* Sm.), а по другим: *Apocynum codoratum*), вьющееся растение, с небольшими, весьма благоуханными цветочками [*Telosma cordata* (N.L. Burman) Merrill, Philipp., Телосма сердцевидная. 夜来香 yèláixiāng].

19. Янь-хай-тянь — деревцо с красными цветами и, по отзыву садовников — весьма роскошный; недавно пришло с юга.

20. Цзы-у-лянь — особый вид *Passiflora*; также называется Сифань-лянь, или тибетский подсолнечник. [*Passiflora* L., 西番莲属 xīfānlían shǔ].

21. Хобау-мудань (*Fumaria spectabilis* L.) — красный цветочек, который очень желательно иметь нашим ботаникам; взято несколько кустиков [*Lamprocapnos spectabilis* (L.) T. Fukuhara, Дицентра великолепная, или сердцевец великолепный. 烟堇属 yān jǐn zhǔ].

22. Лян-цзянь: южное растение с виду похоже на мелкий тростник с пунцовыми цветами.

23. Хуан-сы-май: желтые розы особого вида; растут огромными кустарниками, представляющими необыкновенно красивый вид, когда цветут.

24. Цзы-цзинь-шу (*Cercis siliquastrum* L.) — растение, о котором также просили наши ботаники, чтобы достать семян его, но от семян оно не разводится и не имеет их, как и большая часть из вышеописанных [*Cercis* L., Багрянник 紫荆属 zǐjīng shǔ].

25. Бо-итан (2 куста) — белая роза. Совершенно особенного вида, с крошечными махровыми цветочками, не издающими, впрочем, никакого запаха; на розу походит только по форме листьев своих.

26. Цзы-ша-цян-мэй, бай-ша-цян-мэй — вьющиеся роза, красные и белые, особого вида, цветы хоть небольшие, но весьма красивые [*Rosa* L., роза, 蔷薇属 qiángwēishǔ].

27. Би-тао — цветочные персики из рода карликов, которые разводят собственно для цвета и для украшения или комнат или сада; цветы небольшие, махровые и разных видов: красные, розовые и белые; взято всех сортов по горшку [*Prunus* L., 李属 lǐ shǔ].

28. Несколько кустов Ланьчаш, с красивейшими розовыми цветами, унизывающими все дерево и ниспадающими в виде роскошных гирлянд; цветы бывают только весной, прежде, нежели распустились листья и в таком изобилии, что покрывают все почти дерево снизу доверху, с ветвями его. Ланьчжи вообще принадлежат к роскошнейшим цветочным растениям (древесным); он, кажется, из рода вишен, но особого рода и разводится собственно для цвета, цветы махровые весьма густые и величиною с шиповник [Вероятно *Magnolia* L., Магнолия. 木兰属 mùlánshǔ].

29. Чайное деревце, вышедшее из погашенного на нашем подворье семян (другие несколько семечек, в то же время посаженных, не удались); чай не из рода байховых а из особого рода так называемых пуэр чай [普洱茶, pǔ'ěrchá].

30. Два куста цаора: рода жужубых с благоуханными цветами и с плодами, похожими несколько на финики, только без косточек, растет большими деревьями, и когда цветет, то на большое расстояние весь воздух наполняется ароматом его цветов.

31. Южный мелкий бамбук, разводимый собственно для украшения садов.

32. Обыкновенный бамбук (о бамбуках в особенности просил г. статский советник Фишер). [*Phyllostachys* Siebold & Zuccarini, 刚竹属 gāng zhú shǔ].

33. Шелковица из провинции Шань-дунь, или иначе Лу (древнее название той же провинции), шелковица из тех, которые требовались Азиатским департаментом [*Morus* L., Шелковица, 桑属 sāngshǔ].

Приложение II¹⁹

Список семян хлебных и овощных растений, вывезенных их Пекина в 1841 г.

1. Суходольное сарачинское пшено — сеют на сухой земле
2. Мучнистое сарачинское пшено сеют в воде
3. Красное сарачинское пшено растет только в воде
4. Скороспелое пшено — винь-гу собирают через два месяца после посева
5. Чёрное вязкое просо хэй-шудзы
6. Жёлтое вязкое просо хуань-шудзы
7. Белое просо (похожее на наше) бай-шудзы
8. Жёлтое пшено в белой плеве
9. Жёлтое пшено в жёлтой плеве
10. Белое пшено в белой плеве
11. Байцзы, мелкое просо
12. Белое барбицкое семя (по кит. гаолян)
13. Белое вязкое барбицкое семя
14. Желтое вязкое барбицкое семя
15. Красное барбицкое семя
16. Красное барбицкое семя с рассыпчатыми кистями
17. Конопля
18. Клещевинное семя Palma Christe? по кит. за-ма
19. Кунжутное семя дри-ма
20. Судзы: растение, из семян которого китайцы делают масло для ночников
21. Чёрный горох хэу-доу
22. Мелкий зелёный горох
23. Жёлтый горох
24. Красный мелкий горох
25. Белый скороспелый горох
26. Горох смешанной породы
27. Красная фасоль
28. Бледно-красноватая фасоль
29. Полевая фасоль
30. Шпинат
31. Це-цзи — овощное растение
32. Цзю-цай — дикий чеснок
33. Мусян — растение вроде клевера

¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 15. О растениях, вывезенных и высланных из Китая, Пекинской Духовной миссии в Россию. 1841. Л. 53–53 об. Список приводится с сохранением авторской стилистики, грамматики и пунктуации.

Литература

- Адоратский П.С. Отец Иакинф Бичурин (исторический этюд) // Православный собеседник. 1886. С. 40–48.
- Андреева С.Г. Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений, 1715–1917 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт Востоковедения, 2001. 34 с.
- Благодер Ю.Г. Роль сотрудников Русской Духовной миссии в Пекине в формировании представлений о Китае в российском обществе XIX в. // Известия Алтайского Государственного университета. 2009. № 4(1). С. 34–40.
- Бородина-Грабовская А.Е. Типификация названий растений, описанных А.А. Бунге в работе “Enumeratio plantarum, quas in China borealis collegit Dr. Al. Bunge, anno 1831” // Новости систематики высших растений. 2007. Т. 39. С. 313–319.
- Дацышен В.Г., Чегодаев А.Б. Архимандрит Петр (Каменский). М.; Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2013. 360 с.
- Дубровская Д.В. Ворота в империю Цин // Родина. 2004. № 4. С. 13–18.
- Зейнуллина М. Непревзойденный Бичурин // Татарский мир. 2003. № 4. С. 12–23.
- Кафаров П.И. Дневник архимандрита Палладия. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1912. 55 с.
- Козырева М.Г. О путешествии академика Ф.И. Шуберта с посольством Ю.А. Головкина в Китай в 1805 г. (из воспоминаний Ф.Ф. Шуберта) // Петербургская академия наук в истории Академий мира. Материалы междунар. конф. СПб.: СПбНЦ РАН, 1999. Т. 3. С. 197–208.
- Липшиц С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР. Л.: Наука, 1968. 140 с.
- Петросян Ю.А., Иванова Е.А. (сост.) Сокровища Академических собраний Санкт-Петербурга. СПб.: Наука, 2003. 517 с.
- Пубаев Р.Е. Академик В.П. Васильев — первый исследователь тибетской исторической литературы в России // Востоковедные исследования в Бурятии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 62–78.
- Русский биографический словарь / Изд. под набл. пред. Импер. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. Т. 1–25. СПб.; Пг.; М., 1896–1918.
- Скачков П.Е., Мясников В.С. Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М.: Издательство Восточной литературы, 1958. 139 с.
- Соколов В.С., Фёдоров А.А. Ботанический институт имени В.Л. Комарова Академии наук СССР. Л.: АН СССР, 1947. 72 с.
- Сытин А.К. Александр Андреевич Бунге (к 200-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 2004. Т. 89. № 9. С. 1514–1527.
- Тань Т. Начало русских православных миссий в Пекине // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 3. С. 181–185.
- Фигуровский И.А. Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 году 200-летнего юбилея ее существования. Пекин: Типография Успенского монастыря, 1916. 230 с.
- Хартамович М.Ф. (ред.) Летопись Российской Академии наук. Т. 2: 1803–1860. СПб.: Наука, 2002. 648 с.
- Хохлов А.Н. Пекинский дневник В.П. Васильева // Общество и государство в Китае: 22-я Научная конференция. М.: Наука, 1991. Ч. 3. С. 208–221.
- Чернявская Л.С. Документы архива Министерства иностранных дел по истории русских православных миссий за границей // Отечественные архивы. 2001. № 4. С. 29–34
- Юсупова Т.И. Организация экспедиционной деятельности в Академии наук 1921–1930 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 91–107.
- Baranov A.I. Medicinal uses of ginseng and related plants in the Soviet Union: recent trends in the Soviet literature // Journal of ethnopharmacology. 1982. № 6(3). P. 339–353.
- Bretschneider E.V. History of European Botanical Discoveries in China. London: without publisher, 1898. Vol. 1. 1167 p.

Bunge A.A. *Enumeratio plantarum, quas in China boreali collegit*. Saint-Petersburg: without publisher, 1831. 73 p.

Bunge A.A. *Plantarum Mongolico-Chinensium decas*. Kazan: without publisher, 1835.

Chen Kaike. *Pallady and his role in the development of the Russian-Chinese relations*. Shanghai: Shanghai Press. 2008. 559 p.

Dobrovaskaia D.V. *The Russian Orthodox Church in China // China and Christianity: Burdened Past, Hopeful Future / Ed. by St. Uhalley and Xiaoxin Wu. Armonk, N. Y.: M.E. Sharpe, 2001. P. 163–176.*

Jin Yunlong. *Review on the status of the research on the Russian Orthodox mission // Journal of Normal Colleague of Changchun. 2012. № 31(1). P. 61–64.*

Kuang Chi Hung. “Plants that remind Me of Home”: *Collecting Plant Geography, and a Forgotten Expedition in the Darwian Revolution // Journal of the History of Biology. 2016. № 49. P. 1–62.*

Latourette K.S. *A History of Christian Missions in China*. London; N. Y.: Macmillan, 1929. 930 p.

Parry A. *Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917; Their Cultural, Political, and Economic Role // The Pacific Historical Review. 1940. Vol. 9. № 4. P. 401–424.*

Xiao Yuqin (肖玉秋). *俄国传教团与清俄中俄文化交流*. [The Russian orthodox mission in Beijing and Sino-Russian cultural exchange in Qing dynasty]. Tianjin: People’s University Press, 2009. 310 p.

On the History of the Botanical Investigation Made by the Russian Orthodox Mission in China in the First Half of the XIX Century

TATIANA YU. FEKLOVA

St. Petersburg branch of Institute for the History of Science and Technology named after Sergey Vavilov,
St. Petersburg, Russia; tat-feklova@yandex.ru

The Russian Orthodox Mission in China was established in Beijing in 1715, and it existed until 1955. It played a crucial role in the development of Russian-Chinese relations. It also became a Russian center for scientific study of China and the first training school for Sinologists. During the first half of the XIX century China cut off country from outsiders. Russian scientists could obtain reliable information about China only through the Russian Orthodox Mission in Beijing. Author in this article analyzed the role of the Russian Orthodox mission in Beijing in the first half of the XIX century in shaping of the botanical collections. The text gives valuable information on the methods of acquisition of collections, the system of transportation of the living plants and herbarium. Much attention is given to approach the cooperation between Russian Orthodox mission and Russian scientists and Chinese government and Chinese scientists-bureaucrats. The article introduces in the scientific circulation new archival materials, especially the materials with the list of plants, which were sent to the Saint-Petersburg Botanic Garden. The author has done much to establish the facilities of the describing plants to certain species.

Keywords: Russian Academy of sciences, Russian orthodox mission, China, Botanical Garden, Saint-Petersburg, expedition.

References

Adoratsky P.S. (1886) “Otets Iakinf Bichurin (istoricheskii etiid)” [Father Iakinf Bichurin (historical etud)], *Pravoslavnyi sobesednik*, 1886, pp. 40–48.

Andreeva S.G. (2001) *Pekinskaia dukhovnaia missiia v kontekste rossiisko-kitaiskikh otnoshenii, 1715–1917 gg.* [The Beijing Orthodox mission in the context of Russian-Chinese relations, 1715–1917: author. diss. on competition of a Ph.D. scientific degree], Moscow: Institut vostokovedeniia.

Baranov A.I. (1982) “Medicinal uses of ginseng and related plants in the Soviet Union: recent trends in the Soviet literature”, *Journal of ethnopharmacology*, no. 6(3), pp. 339–353.

Blagoder Iu.G. (2009) “Rol’ sotrudnikov Russkoi Dukhovnoi missii v Pekine v formirovanii predstavlenii o Kitae v rossiiskom obshchestve XIX v.” [The role of the Russian Orthodox mission’s staff in shaping of the perception of China in the Russian society in the XIX century], *Izvestiia Altaiskogo Gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 34–40.

Bretschneider E.V. (1898) *History of European Botanical Discoveries in China*, London: without publisher, vol. 1.

Bunge A.A. (1831) *Enumeratio plantarum, quas in China boreali collegit*, Saint-Petersburg: without publisher.

Bunge A.A. (1835) *Plantarum Mongolico-Chinensium decas*. Kazan: without publisher.

Chen Kaike. (2008) *Ba la di yu wan qing zhong e guan xi* [A Study of Kafarov P.N. (Archimandrite Palladius) and his role in the development of the Russian-Chinese relations], Shanghai: Shanghai Press.

Cherniavskaia L.S. (2001) “Dokumenty arkhiva Ministerstva inostrannykh del po istorii russkikh pravoslavnykh missii za granitsei” [Documents of the archive of the Ministry of Foreign Affairs about the history of the Russian Orthodox missions abroad], *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 29–34.

Datsyshen V.G., Chegodaev A.B. (2013) *Arkhimandrit Petr (Kamenskii)*, Moscow; Gonkong: Bratstvo sviatykh pravovernykh apostolov Petra i Pavla.

Figurovsky I.A. (1916) *Kratkaja istoriia Russkoi pravoslavnoi missii v Kitae, sostavlennaia po sluchaiu ispolnivshegosia v 1913 200-letnego iubileia ee sushchestvovaniia* [The short history of the Russian Orthodox mission composed on the occasion of the celebration of 200 anniversary], Beijing: without publisher.

Dobrovaskaia D.V. (2001) “The Russian Orthodox Church in China”, in: Uhalley St., Wu Xiaoxin (eds.) *China and Christianity: Burdened Past, Hopeful Future*, Armonk, New York: M.E. Sharpe, pp. 163–176.

Dobrovaskaia D.V. (2004) “Vorota v imperiiu Tsin” [Gate to the Qing Empire], *Rodina*, no. 4, pp. 13–18.

Jin Yunlong. (2012) “Review on the status of the research on the Russian Orthodox mission”, *Journal of Normal Colleague of Changchun*, no. 31(1), pp. 61–64.

Kafarov P.I. (1912) *Dnevnik arkhimandrita Palladiia* [A diary of the archimandrite Palladius], Saint-Petersburg: tip. V.F. Kirshbauma.

Khartanovich M.F. (ed.) (2002) *Letopis’ Rossiiskoi Akademii nauk, t. 2: 1803–1860* [The Annals of the Russian Academy of sciences, vol. 2: 1803–1860], Sankt-Petersburg: Nauka.

Khokhlov A.N. (1991) “Pekinskii dnevnik V.P. Vasil’eva” [Beijing’s dairy of V.P. Vasilyev], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: 22-ia Nauchnaia konferentsiia*, vol. 3, pp. 208–221.

Kozyreva M.G. (1999) “O puteshestvii akademika F.B. Shuberta s posol’stvom Iu.A. Golovkina v Kitai v 1805 g.” [About the expedition of the academician F.I. Schubert with the Embassy of the Iu.A. Golovkin to China in 1805 (from the memoirs of F.F. Schubert)], in: *Peterburgskaia Akademiia nauk v istorii Akademii mira, Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, t. 3* [Saint-Petersburg Academy of Sciences in the history of Academies of the world, the Materials of International Conference, vol. 3], Sankt-Petersburg, pp. 197–208.

Kuang Chi Hung (2016). “«Plants that remind Me of Home»: *Collecting Plant Geography, and a Forgotten Expedition in the Darwian Revolution*”, *Journal of the History of Biology*, no. 49, pp. 1–62.

Latourette K.S. (1929) *A History of Christian Missions in China*, New York: MacMillan.

Parry A. (1940) “Russian (Greek Orthodox) Missionaries in China, 1689–1917. Their Cultural, Political, and Economic Role”, *The Pacific Historical Review*, vol. 9, no. 4, pp. 401–424.

Petrosian Iu.A., Ivanova E.A. (eds.) (2003) *Sokrovishcha akademicheskikh sobranii Sankt-Peterburga* [Treasure of the Saint-Petersburg Academy of sciences], Saint-Petersburg: Nauka.

Pubaev R.E. (1981) "Akademik V.P. Vasil'ev — pervyi issledovatel' tibetskoi istoricheskoi literatury v Rossii" [Academician V.P. Vasilev — the first researcher of Tibetan historical literature in Russia], *Oriental Research in Buryatia*, Novosibirsk: Nauka, pp. 62–78.

Polovcev A.A. (ed.) (1896–1918) *Russky biographichesky slovar'* [Russian biography dictionary], Saint-Petersburg; Petrograd; Moscow: without publisher, vol. 1–25.

Skachkov P.E., Miasnikov V.S. (1958) *Russko-kitaiskie otnosheniia, 1689–1916. Ofitsial'nye dokumenty* [Russian-Chinese relations, 1689–1916. Official documents], Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoi literatury.

Sytin A.K. (2004) "Aleksandr Andreevich Bunge (k 200-letiiu so dnia rozhdeniia)" [Bunge A.A. (to his 200 anniversary)], *Botanicheskii zhurnal*, vol. 89, no. 9, pp. 1514–1527.

Tan' T. (2015) "Nachalo russkikh pravoslavnykh missii v Pekine" [The beginning of the Russian Orthodox Missions in Beijing], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta named by A.S. Pushkin*, vol. 4, no. 3, pp. 181–185.

Xiao Yuqin (肖玉秋). (2009) *俄国传教团与清伐中俄文化交流* [The Russian orthodox mission in Beijing and Sino-Russian cultural exchange in Qing dynasty], Tianjin: People's University Press.

Yusupova T.I. (2012) "Organizatsiia ekspeditsionnoi deiatel'nosti v Akademii nauk 1921–1930 gg." [Organization of the expedition of the Russian Academy of sciences], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, no. 4, pp. 91–107.

Zeinullin M. (2003) "Neprevzoidennyi Bichurin" [Unsurpassed M. Bichurin], *Tatarskii mir*, no. 4, pp. 12–23.

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

«Тюремная автобиография»

Николая Александровича Максимова

ПУБЛИКАЦИЯ, ПРЕДИСЛОВИЕ И КОММЕНТАРИИ О.В. МАКСИМОВОЙ

Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия; ovmaximova@mail.ru

Н.А. Максимов (1870–1952), выдающийся физиолог растений, академик АН СССР (1946), написал автобиографию в июле 1933 г., будучи в заключении по обвинению в членстве в мифической Трудовой крестьянской партии. Он был арестован вместе с другими сотрудниками легендарного ВИРа — института, созданного Н.И. Вавиловым. Максимов рассказывает о своей семье, детстве и юности, студенчестве, начале и развитии научной деятельности, о своей педагогической работе и публикациях — вплоть до 1925 г. Рукопись хранилась в семейном архиве и не была доступна для исследователей. Она была расшифрована в 2013–2014 гг., в результате чего выявились некоторые ранее неизвестные события в жизни Максимова. «Тюремная автобиография» даёт развёрнутую картину жизни разночинской семьи в конце XIX — начале XX в. Читатель получает представление о формировании и развитии личности незаурядного учёного. Максимов пишет о своих контактах с замечательными представителями российской науки. В.И. Палладин, А.А. Рихтер, В.Л. Комаров, Д.А. Сабинин, А.Ф. Иоффе и многие другие — эти «люди из энциклопедии» были для Максимова учителями, соратниками, товарищами.

Ключевые слова: А.Н. Максимов, автобиография, тюремное заключение, физиология растений.

Николай Александрович Максимов (21 марта 1880–9 мая 1952) был выдающимся российским и советским физиологом растений, специалистом по их засухоустойчивости и морозостойкости. Его учебник по физиологии растений выдержал девять изданий, был переведён на почти все европейские и некоторые азиатские языки. В первой половине XX в. весь Советский Союз, вся Европа и США

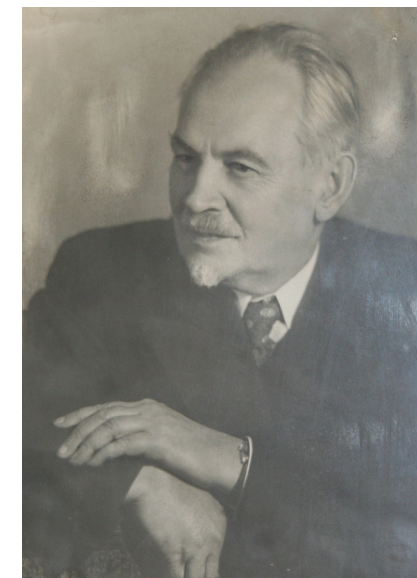

Рис. 1. Н.А. Максимов.
Фото М.С. Напельбаума. 1938 (?)